

Пора взрослеть,
ДЕВОЧКА

ДАША КОЭН

Даша Коэн

Пора взрослеть, девочка

<https://litres.ru/74204304>

Аннотация

— Сколько тебе лет? — Восемнадцать. — Маловато, конечно, но ничего. Ты мне понравилась. — Неужели? — Да. — И что это значит? — Это значит, что тебе пора взрослеть, девочка.

Говорила мне лучшая подруга, что ее брат самоуверенный гад и отпетый бабник. Для него разбить девичье сердце все равно, что раз плюнуть. Он никогда не проигрывает и всегда получает то, что хочет. И кого хочет. Да, говорила.... А я ей не поверила.

Содержание

Глава 1 – Интересное кино...	4
Глава 2 – пытки	15
Глава 3 – Утро вечера мудренее	23
Глава 4 – Разборки в Бронксе	29
Глава 4 – Шантажист 80-го уровня	42
Глава 5 – Кто на свете всех милее?	49
Глава 6 – Спорим?	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава 1 – Интересное кино...

Даша

Душно.

В столице в этом году стояло просто аномально жаркое лето, и даже ночью столбик термометра не опускался ниже двадцати пяти градусов по Цельсию. Балконную дверь открыли нараспашку, да и на мне были надеты одни лишь только трусики, но это почти не спасало — в воздухе будто бы стоял пар, как в бане. Всему виной был ливень, который прошел еще днем.

Я крутилась с бока на бок, но заснуть не могла, хотя моя подруга уже давно видела десятый сон и сладко посапывала, подложив ладошку под щеку. Хорошо ей, а я вот не на своей кровати вообще заснуть никогда не могла. А конкретно эта кровать являлась не просто чужой, она, во-первых, была занята нами обманом, а во-вторых, принадлежала даже не подруге, а мужчине или, если быть точнее, то брату моей подруги — Максу.

И не дай бог, если этот человек разнюхает, что мы из его гнезда ночлежку устроили. Хотя вряд ли, ведь Макс уже несколько лет не жил в стране и домой приезжал крайне редко. Я и сама видела его лично в последний раз лет семь или даже восемь тому назад.

Но все же зажмурилась, скрестила на всякий случай паль-

цы и прошептала в темному:

— Чур меня, чур, — затем глянула одним глазом на спящую Еву и добавила, — и ее тоже чур!

После этих нехитрых заклинаний я все-таки бросила бесплодные попытки усыпить собственный организм, а потому поднялась с кровати и накинула на себя футболку, заботливо выданную подругой. К слову, футболка тоже принадлежала уже упомянутому Максусу. Но мне хоть и было стыдно эксплуатировать чужое, все же без данного предмета одежды я обойтись никак не могла. Ну не в одних же ажурных стрингах мне по холостяцкой берлоге расхаживать? Пустая берлога — да, но как-то не комильфо, что ли.

Оделась и потопала на балкон. Подошла к ограждению и взглянула с высоты пятнадцати этажей на никогда не спящую столицу, потонула мыслями в ее огнях, но почти тут же отвлеклась, услышав, как внизу дома с визгом притормозил автомобиль, а спустя еще пару минут из него выпрыгнула девица в алом платье и мужчина, который сразу же накинулся на свою спутницу с поцелуями, через спину, и уже не глядя, ставя машину на сигнализацию.

— Разврат! — фыркнула я и покачала головой, считая, что вот такое выражение страсти, да еще и на глазах у многочисленных ночных гуляк — это моветон.

А затем, выкидывая парочку из головы, вернулась в спальню и двинула прямиком на выход, чтобы спуститься на кухню и выпить немного освежающей воды со льдом. Пока спус-

калась со второго этажа на первый, завязала подол футболки на животе узлом и собрала резинкой волосы на макушке. Добралась до холодильника. Взяла пару кубиков льда. Один закинула в рот, вторым же принялась водить по шее, облегченно выдыхая.

Кайф!

— О! — улыбнулась от уха до уха и даже на месте от счастья подпрыгнула, глядя на широкий деревянный подоконник. — А вот и пульт от кондиционера! Ура!

А мы его с Евой битый час искали, когда сюда приехали пару часов назад.

Вот это удача!

Но стоило мне только взять в руки вожаденный переключатель, как я обмерла, забывая, как дышать. Глаза выпучила, и вся обратилась вслух, молясь всем богам, чтобы то, что я сейчас слышала, было галлюцинацией или плодом моих перегретых от жары мозгов.

Но нет. Секунды шли, а где-то за дверью этой квартиры все еще был отчетливо слышен женский смех и скрежет ключей в замочной скважине. И наряду с этими ужасными звуками сердце мое в груди заметалось как одержимое. В голове заухало вмиг подпрыгнувшее давление. Руки затряслись, ноги подкосились.

Ужас! Налицо — нервный срыв.

— Господи, за что? — с укором произнесла я, глядя в темные небеса, а затем заметалась, не зная, куда себя деть и что

вообще делать.

Под стол сигануть и там закосить под табурет?

За шторой спрятаться? Блин, но в этой квартире их, как назло, не было!

Только было думала взлететь наверх и запереться в спальне, но момент был уже упущен: в прихожей все-таки распахнулась входная дверь, и определенно два человека ввалились внутрь.

Мужчина хриплым, но сухим и четким голосом отдал приказ:

— Платье сними.

Женщина же сладким елеем пропела ему в ответ:

— Как скажешь..., — а спустя секунду добавила, очевидно, уже управившись с заданием, — нравится?

Капец!

Помогите!

Спасите!

Я не хочу в этом участвовать!

Но что делать? Усесться на барный стул и при их появлении весело прокричать «сюрприз!»? Или, может быть, в одних трусах и чужой футболке поинтересоваться, а что это они тут такое делают в столь неурочный час? Или может, вообще врубить режим блондинки и разреваться?

А что, неплохо. Папа бы меня точно похвалил за стрессоустойчивость.

И только тут я поняла, что ситуация стала разворачивать-

ся слишком стремительно, а неожиданные «гости» буквально через пару мгновений уже появятся в гостиной. Я разглядела скрытую дверь на другом конце комнаты и рванула к ней со всех ног, держа в руках проклятый пульт от кондиционера и чуть подтаявший кубик льда.

Бесшумно открыла дверь, влетела в узкое и небольшое помещение, но закрыться не успела, боясь лишнего шума, так как парочка уже ввалилась в гостиную, падая на диван и страстно целуясь. Мне же только и оставалось, что замереть, не дыша, и в маленькую щелочку наблюдать за тем, как предположительно Макс Хан, брат моей лучшей подруги, целенаправленно раздевал свою спутницу, а потом и за себя принялся.

Сначала через голову одной рукой стянул футболку, оголяя идеально вылепленный пресс со всеми этими пресловутыми кубиками.

Затем неторопливо расстегнул ремень и ширинку на джинсах.

А дальше в одно движение снял их с себя вместе с нижним бельем.

Я тут же зажмурилась и отрицательно затрясла головой, не веря в то, что это все реальность, а не страшный сон.

Черт, черт, черт...

Ну и как мне теперь это все развидеть, скажите на милость?

— Боже, ты просто охрененный, — даже не произнесла, а простонала девица с дивана.

С ней не поспоришь. Хотя...

Что?

Да что я такое думаю вообще? Пф-ф-ф...

Подумаешь, кубики. Вон у нас в институте каждый второй то с кубиком, то с шариком ходит. А чего стоит команда по баскетболу? Там каждый второй этому Мистеру-Сними-Платье фору бы дал. И это я уже молчу про хоккеистов и пловцов.

— Ты мне сразу понравился. Ты знал? Я как увидела тебя в клубе, так тут же решила, что ты станешь моим, Макс. Ты же мой, да? Только мой...

Она слишком много болтает. Сейчас он ее заткнет.

— Заткнись.

Я же говорила.

— Возьми меня!

Я закрыла глаза и обреченно покачала головой. Черт, у меня же кукуха поедет от таких высокоинтеллектуальных разговоров. Давайте уже, господа, быстрее утоляйте свои низменные потребности и расходимся.

Я спать хочу, вообще-то!

Но господа расходиться побыстрее не планировали от слова "совсем". А я в отчаянии плюхнулась на пол под протяж-

ный стон девицы, а затем зажала уши ладонями, но все равно слышала, как брат моей подруги делает свое грязное дело.

— Да! О, еще! Вот так, вот так! Трахай меня, Макс, трахай. О да... А-а-а! О-о-о! У-у-у! А-а-а!!!

И все это под аккомпанемент хлопающих и хлюпающих звуков одного тело о другое. Где-то посреди процесса я услышала отчетливый шлепок по заднице.

Бам!

— Ах! Как же ты хорош! Еще!!! Не останавливайся...

Застрелите меня!

Темп нарастал. Шлепки тел становились чаще. Девица уже в голос орала, как потерпевшая. Я даже решила, что ей поплохело и она удумала скончаться прямо здесь и сейчас. Разлепила глаза и сунула нос в маленькую щелку двери, но тут же отпрянула, ругая себя за необдуманный поступок.

И лучше бы мне не видеть то, что я узрела.

Потому что теперь девица стояла коленями на диване, с открытым ртом и закатившимися глазами, а Макс, будучи позади нее, накрутил ее волосы на кулак и до упора тянул их на себя, при этом на сумасшедшей скорости вколачиваясь в девушку и крепко прихватив второй рукой ее за задницу.

— О мой бог! О мой бог, я сейчас кончу, — поскуливала она, а я все слышала это бесконечное: «бам, бам, бам!»

Господи, разве уже не пора бы им было заканчивать? Сколько это продолжается? Двадцать минут? Тридцать? Вечность? Да у меня, между прочим, задница затекла сидеть

в этой чертовой кладовке и не понимать за что над моей неокрепшей психикой так издеваются.

Я же маленькая еще.

Мне всего восемнадцать исполнилось пару месяцев тому назад.

Я же даже порно ни разу не смотрела. А тут нате — 3Д и со спецэффектами. А учитывая то, что диван находился от меня лишь в паре метров, так вообще с полным присутствием. И вот за что мне это все? За какие такие заслуги? Это Ева у предков ключи от этой квартиры нарезала, а не я. Почему мне одной приходится за этот жизненный промах расплачиваться, пока сама подруга сладко сопит в подушку?

Бам! Бам! Бам!

Кролики хреновы! Хватит уже, мозоли же будут!

Но кроликов было не остановить. Они продолжали свою бурную вакханалию и не планировали жать на тормоз. Хуже — божественный Мистер-Сними-Платье прямо так, за волосы, поволок свою партнершу к стене. И не к какой-нибудь там рандомной, а той, что была прямехонько рядом со мной.

А то мне мало бы печалей. Или я, можно подумать, плохо слышала, как там у них все стыкуется.

Ну не гады ли, а?

И снова понеслось.

— У-у-у! А-а-а! А-а-а! У-у-у!

Да-да, прям как в песне. Ну все, у меня точно мозг поплыл!

Открыла один глаз и глянула в щелку: стоят. Все еще шевелятся активно. Не устали. Между голой ступнёй Макса Хана и мной всего сантиметров двадцать, не более. Скользнула глазами выше — чуть не расплакалась.

Ну зачем? Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. А мне придется делать лоботомию, чтобы все это гадство выкинуть из головы.

Но и это было не все. Финальным аккордом этого марлезонского балета стал окончательный вынос моего многострадального мозга. Макс Хан все-таки закончил издеваться над вопящей во всё горло девицей и таки усадил ее на пол.

Я думала, что передохнуть.

Но нет.

Вообще нет.

Ни разу нет, понимаете!

Смотреть на это все я, конечно же, не стала. Вот только не слышать я не могла, а потому уловила все.

— Открой рот. Шире. Вот так..., — протяжное шипение, короткое ругательство, облегченный вздох.

И блаженная тишина, из которой я сделала закономерный вывод, что после такого забега оба любовника пойдут в душ, а я незаметно прошмыгну наверх, спрячусь в спальне и постараюсь забыть все, что видела и слышала.

А завтра, прямо с утра пойду на прием к психоаналитику. И попрошу выписать себе забористую долю антидепрессантов. Да, отличный план!

Вот только и ему пришлось накрыться медным тазом, потому что Макс Хан не пошел в душ, лишь отправил туда свою отработанную пассиву. А сам же удумал недоброе.

— Жарко-то как, черт побери. Сдохнуть можно.

У меня за ребрами кольнуло от слишком нехорошего предчувствия, и я даже на ноги подскочила, боясь того, что могло за всем этим последовать. И не зря.

— Где пульт от кондёра в этом гребаном доме? Всегда же лежал на подоконнике. Твою мать...

У меня сердце в пятки ушло, а тот самый пульт я прижала к груди и молилась, чтобы этот человек не кинулся искать его в эту подсобку. Прошу! Пожалуйста...

Но мои молитвы не были услышаны. А уже через несколько секунд мне вынесли приговор.

— В кладовке запасной же есть, точно.

Дверь передо мной резко распахнулась, а на ее пороге предстал сам Макс Хан, в чем мать родила, и смотрел на меня, как баран и на новые ворота. Ну или почти...

— Ну, никуда себе...

Выдал сие. Оглядел меня с ног до головы. Задержал липкий взгляд на бедрах, трусиках и оголенном животе, мазнул по груди, которая вздымалась критически часто от шока, а затем протянул руку и забрал из моих дрожащих пальцев пульт.

— Дорогой, я готова повторить! — услышали мы оба писк девицы, вышедшей из душа.

А в следующий момент дверь перед моим носом с треском захлопнулась.

Что ж...

«Приятно» было познакомиться, Макс Хан.

Глава 2 – Пытки

Даша

Сидеть взаперти, как преступница, я, честно сказать, мало хотела, да и не собиралась. Ну и выбесило меня такое отношение. Чего это дверями перед носом хлопать? Я, между прочим, тоже напугалась неимоверно. Вот останусь заикой, и кто в этом будет виноват?

А потому я не придумала ничего лучше, как тихонечко и максимально бесшумно надавить на ручку и приоткрыть дверь, как было. Нет, я не собиралась выпрыгивать или что-то в этом роде, но должна была знать, когда путь к спасению будет доступен.

Вот только удача мне так и не улыбалась, а пытки продолжались.

— Слушай, красивая моя, ты меня так ушатила, что мое серое вещество сварилось вкрутую. Напомни-ка, будь другом, как там тебя зовут? — услышала я голос Хана из-за двери и ушам своим не поверила. Он что, серьезно сейчас и вот так хладнокровно в лоб переспрашивает имя той, которую только что оприходовал, как... как... ну по-всякому?

Ну совесть же надо иметь!

Это же как минимум неприлично. А как максимум по-свински! Я, конечно, слышала, что парни бывают гадами, но не такие взрослые и уже состоявшиеся, как этот. Унижать

подобным образом девушку, которая тебе доверилась — это просто дурной тон и недостаток воспитания.

Не верю, что у дяди Марка и тети Тани, милейших на свете людей и закадычных друзей моих собственных родителей, уродился вот такой персонаж. Нет, конечно, я несколько раз краем уха слышала недовольное бурчание Ханов-старших по поводу своего сына, но не думала, что все так запущено.

Хотя чего я удивляюсь — в семье не без урода, как говорится.

А сам Макс, наверное, думает, что типа мачо, да? Крутой: получил и выбросил? Пф-ф-ф, вот не знала я этого человека и чудесно себя чувствовала. А теперь будто бы испачкалась.

Ну такое...

— Я — Полина, ты чего? — истерично и на московский манер потянула девица, натянуто рассмеявшись. А у меня холодок по спине пробежал.

Один в один также коверкала слова моя преподша по истории — Полина Леонидовна Казарина. Она же Полина Любоедовна. Она же Коза. Она же боль всего нашего потока по женской линии и моя, в частности, потому, как только одна эта женщина смотрела на меня, словно на отбитую на всю голову блондинку, и перманентно отправляла на пересдачи. Я всю зимнюю сессию закрыла на отлично, половину вообще «автоматом» поставили, а тут, как проклял кто. А теперь, всего через несколько дней мне светит повторный экзамен у нее же, и не факт, что все пройдет также «гладко» как и

в первый.

Короче, если кратко, то мы ненавидели друг друга люто и предельно взаимно.

Пригляделась получше, ведь теперь к лунному свету добавился еще один источник — из ванной комнаты, и вот тут я отчетливо рассмотрела, кто есть кто, и окончательно выпала в нерастворимый осадок. Ну точно, ошибки быть не может: Макс Хан оприходовал Козу!

Мать моя женщина!

— Точно, Полина! И как я мог забыть? — услышала я смех Хана, и у меня с головы до ног обсыпало липкими мурашками. Причина? Ужасна по своей сути, ибо только дураку не было бы понятно, что Хан откровенно потешался над своей любовницей, но при всем этом, тон его был настолько пропитан медом, что казалось, будто бы он произнес комплимент чистой воды.

Ну какая же сволочь, а?

— Ты такой дурашка, — в тон ему начала хихикать Казарина, пропуская мимо ушей очевидное оскорбление. Огладила Хана по плечу, но этот голозадый прохиндей ее жест напроочь проигнорировал и промаршировал прямым ходом куда-то в прихожую, но тут же вернулся, только уже с телефоном в руках.

Уселся на диван, широко расставив ноги в стороны, а я тут же отвернулась, приказывая себе забыть то, что видела. Ну вот зачем я, глупая размазня, туда вообще глаза свои впер-

ла? Теперь мучайся кошмарами: все-таки страшненько там все у мужиков устроено — какие-то ошметки кожаные болтаются.

Тьфу...

Но видимо, этот только мне детородный орган Хана пришелся не по вкусу. Казарина вот тут же между его ног приземлилась, соблазнительно накручивая бедрами восьмерки и давай его волосатые бедра наглаживать.

— Что ты там делаешь?

— Вызываю тебе такси, Полина, — даже несмотря на девицу, ответил Макс, таким тоном, будто бы обсуждал погоду на завтрашний день.

Вот же мудак великовозрастный.

— Я не останусь?

— Нет.

— Но я хочу остаться, Макс!

— А я хочу выпасться. Я сегодня устал как собака.

«Собака сутулая», — добавила я про себя в его адрес существенное дополнение.

— Мне нужно отдохнуть, понимаешь, о чем я?

Держу пари, что Людоедовна не понимала. И была права.

— О, я могу помочь тебе с этим. Я сделаю тебе массаж. Я умею. А утром будет омлет в постель. Или мы можем не ждать утра, а позавтракать прямо сейчас.

И только когда она согнулась над его пахом, я поняла, о каком именно «омлете» толкует это развратная женщина.

— Хорошо, — неожиданно покладисто кивнул Хан, а затем отыскал на диване пульт от телевизора и включил его на каком-то рандомном канале, давая отмашку, — можешь приступать.

Сам же руки за голову закинул и демонстративно сосредоточился на футбольном матче «Испания — Франция». А мне тошно стало от этого показушного пофигизма.

Нет, ну, где это видано вообще, чтобы мужик использованную девушку из дома выкидывал, а она ему на член падала, да еще и в рот взять умоляла, пока он телепередачи смотрит? Еще бы попкорна нажарил и семечек пощелкал для полноты картины.

Ну не скотина ли, а?

— Может, выключишь телевизор? — уточнила Казарина.

— Нет, тут матч интересный идет. Давай с омлетом разделаемся и разбежимся. Кстати, — глянул он на экран своего телефона, — поторопись, а то тебя уже такси ждет.

Конечно, на таком моменте Любоедовне осталось только поспешно перекраивать под себя ситуацию и уносить ноги. Но и она не сдавалась, притом, что и выглядела до предела жалкой.

Такой, что даже я ей посочувствовала, хотя она это и не заслужила.

— Ладно, уговорил. Оставим сладкое на следующий раз.

— Угу, — кивнул Хан, не отрываясь от просмотра матча, пока Коза с бешенством напяливала на себя свои тряпочки.

Затем потопталась немного подле него и все-таки окончательно канула ниже плинтуса.

— Проводишь?

— Минуту погоди, сейчас тайм закончится, — поднял тот указательный палец вверх и только спустя оговоренное время все-таки встал с дивана. Натянул плавки и двинул в прихожую.

А я приготовилась к бегу с препятствиями. Стило только входной двери для Полины Любоедовны открыться, как я стартанула бежать со всех ног. А когда она же закрылась, то в спину мне полетело громкое и угрожающее:

— Стоять!

Ага, сейчас! Погоди, только прическу поправлю.

Наверх и в спальню, где до сих пор сладко спала Ева. А там уж дверь закрыла на замок на секунду раньше, чем ее дернули с силой с обратной стороны. Да еще и вдарили кулаком.

— Открой мне! — услышала я приказной рык, а сама аж на месте подпрыгнула, ликуя и демонстрируя закрытой двери оттопыренный вверх средний палец.

— Спокойной ночи, Макс Маркович, — усмехнулась я и наконец-то потопала в постель, чтобы почти сразу же отрубиться без ног и тревожных сновидений.

А там уж утро вечера мудренее. Разберемся...

И вообще, кто меня остановит, когда я захочу уйти из этой цитадели порока и разврата? Никто!

Вот только проснувшись, я лучшую подругу в постели не обнаружила, и ледяные иглы нехорошего предчувствия вонзились мне в затылок. Я уже и умылась, и зубы почистила, и вновь напялила на себя топ, расшитый блестками, и короткие джинсовые шортики с завышенной талией, а тремор конечностей так и не прошел.

Так еще и с кухни-гостиной послышался веселый смех моей подруги и знакомый глубокий баритон.

Черт!

Но перед смертью не надышишься, верно?

А потому я пару раз вдохнула поглубже и пошла на «эшафот». Вот только лучше бы я этого не делала. Лучше бы с балкона сиганула или еще что-то придумала в этом роде. Но, увы...

— О, Дашунь, доброе утро! — помахала мне с барного стула Ева и задорно подмигнула, а затем кивнула в сторону своего братца, который сидел прямо напротив нее, помещивал кофе в чашке и так пристально смотрел на меня, что мне физически стало плохо от этого препарирующего взгляда. — А мне тут Макс сказал, что вы уже познакомились. Представляешь?

— Да? — хрипло переспросила я, внутренне дрожа всем телом.

— Да, еще ночью.

— М-м..., — дернулась я и глянула на Хана, пытаюсь понять, что он наговорил обо мне. А тот словно в покер играл

— на заросшем недельной щетиной лице ни единой эмоции.

И мне бы успокоиться...

Но то, что последовало дальше, было словно пуля, выпущенная в упор мне в голову.

Бах! И навывнос.

— Да. А еще Макс сказал, что ты согласилась с ним в кино сходить, — выдала подруга и улыбнулась радостно, пока я обтекала.

Чего?

Глава 3 – Утро вечера мудренее

Даша

— Как интересно. Макс сказал, да? — хмыкнула я, затем кивнула этим двоим и смело шагнула за барную стойку, где просто бомбически благоухали булочки с корицей и свежесваренный кофе. Последний, к слову, был не мой, а Евы, но меня и это не остановило. Все же она мне должна за то, что втянула в это дерьмо.

У меня до сих пор глаза болят, между прочим, оттого, что всю ночь выкатывались из орбит от шока.

Нет, мне срочно нужна шоковая терапия и пиявки. Только так можно хоть как-то переплюнуть все то, что со мной произошло. Но это, конечно же, неточно, ведь подобные стрессы не проходят бесследно.

— Да, — закивала подруга и на удивление услужливо протянула мне свою чашку с напитком.

— Ну пусть тогда и мне расскажет, как дело было. А то, знаете ли, я с трех лет страдаю от лунатизма — всякое случается, — на ходу и, как мне казалось, очень артистично собирала я с моря и с дона всякую пургу.

— Что реально? — потрясенно переспросила Ева, и я покайнно прикрыла глаза.

— Знахарки говорят, что испуг.

— Ой, Дашка, — прижала ко рту пальцы подруга, качая

головой и сокрушаясь, что я хранила так долго от нее эту «тайну».

— Разве такое кому расскажешь? — со знанием дела лопотала я вприкуску с булочками и кофейком.

— И что, эта страшная болезнь совсем не лечится?

— Только прогрессирует, — вздохнула я тяжело, — времена-то пошли темные, куда ни глянь — везде ужасы показывают.

Так бы я, наверное, до вечера распалялась насчет несуществующей болезни, если бы Хан неожиданно не фыркнул, а дальше и вовсе не заржал в голос.

— Слушай, мое браво. Так отчаянно заливать в уши сироп даже я не умею.

— Завидуй молча, — огрызнулась я, отмечая про себя, что лучше для меня было бы, если этот парень оказался не таким смазливый, как есть на самом деле. А тут прямо мечта отчаянной домохозяйки: нарядить в комбинезон на голое тело, вручить гаечный ключ и послать на вызов по устранению засора.

И не надо на меня наговаривать! Я не смотрела, я просто на парах слышала, как девочки обсуждают какую-то польскую короткометражку с рейтингом двадцать один плюс.

— Без проблем. Сделаю это по пути к предкам, — поднял руки вверх и простодушно выдал Хан.

Ну я же говорила — собака сутулая. М-да... как низко после всего, что между нами было.

— Макс, ну пожалуйста! — сложила раболепно ладони на груди Ева, а я прищурилась.

— Твой брат ябедничать, что ли, собрался? — игнорируя напрочь хозяина квартиры, врубила я наглость на максимум и обратилась к подруге с гипертрофированным удивлением.

— Да, Дашунь, собрался, — скуксилась Ева, — не видать нам теперь с тобой больше клубов ночных и жизни свободной. На цепь же посадят и церберами окружат.

Блин, мой отец так-то может.

Да и папаня Евы еще тот тиран, где дело касается девичьей чести любимой дочурки. А если он пронюхает, что чадом уже, как пару месяцев находится в странной конфронтации со старшим сыном Авериных, то его точно Кондратий хватит.

Засада...

Но почему об этом волноваться должна одна лишь я? Между прочим, я в клуб вообще идти не хотела, меня туда почти силой потащили, и то только потому, что Еве вновь приспичило перед Авериным-младшим задницей вилять.

Вывод? Вот пусть теперь сама со своим братцем в кино шуршит. Я — пас.

— Соболезную тебе, подруга, — похлопала я по голой девичьей коленке Еву.

— Ну, Дашунь. Ну, пожалуйста! — вновь заскулила она мне в ответ.

— Нет, — рубанула я категорически, а Хан вдруг радост-

но оскалился и вальяжно поднялся со стула, лохматя темно-каштановую шевелюру и подмигивая мне, пока его сестра все еще не теряла надежды меня уговорить.

— Ветрова, ну я тебя, как человека прошу.

— Не выйдет. Да у меня и на ближайшие недели грандиозные планы. А я разве тебе не говорила? Я же путевку взяла в санаторий-профилакторий. Неврологический, — последнее слово я произносила по слогам, а затем добавила, — срочно нужно здоровье поправить. Вот прям сейчас!

— Ладно, девочки, вы пока тут пререкайтесь дальше, а я маму с папой давно не видел.

— Даша, блин, — завопила Ева, — ты мне лучшая подруга или где?

— Да, Даша, — прикусил нижнюю губу Макс, — что, жалко тебе в кино с хорошим мальчиком сходить, что ли?

— Ты мне не нравишься, — выпалила я и ушам своим не поверила. Ну я же милая, домашняя девочка, добрая и пушистая. Откуда во мне отыскалось все это хамство и наглость?

— Не нравлюсь? — ошарашенно выпучил глаза Макс. — Вот черт, а я всю ночь зачем тогда старался тебя впечатлить? Неужели не вышло?

У меня челюсть об пол бахнулась. Вот это самомнение! Да он просто выпрашивает, чтобы его разбили в дребезги. Ну ладно, меня просить дважды и не нужно.

— Сестру свою в кино води, — рявкнула я. — Это она

ключи у твоих предков нарезала, а не я.

— Ах, ну точно. Ты же у нас тут вообще безгрешная, да?
— ласково улыбнулся Хан.

— Я не грешила, в отличие от некоторых, — прищурившись, цедила я.

— Ребята, я вам тут не мешаю? — подала голос Ева.

— Нет! — воскликнули мы в унисон, даже не глядя на девушку.

— Ладно, — пожала та плечами, а мы продолжили перепалку, будто бы важнее этого ничего в мире и не было.

— Кино! — ткнул в меня пальцем Хан. — Сегодня!

— Машинка! — скопировала я его тон и жест. — Губозакаточная! Заказывай скорее на маркетплейсах!

— Хочешь меня разозлить? — еще шире разулыбался он.

— После сегодняшней ночи мне уже ничего не страшно,
— приложила я руки к груди и дурашливо изобразила апоплексический удар.

— А что случилось ночью? Вы поругались, что ли? — недоуменно переводила взгляд с меня на брата и обратно Ева.

— Пф-ф, нет, — отмахнулась я, — Просто водички встала не вовремя попить, а тут такое...

— Что? — прищурился Макс, при этом растягивая губы от уха до уха, и, кажется, испытывая невероятное удовольствие от этого мало мне интересного разговора.

— Слушай, Ева, — вздохнула я горестно, — вот не хотела

я тебя расстраивать, но, кажется, придется. Хорошо, что ты сидишь. Итак, твой брат болен. Очень было похоже на эпилепсию, знаешь ли. Дергался, орал, шипел. Так себе зрелище, я тебе скажу. На любителя, как говорится...

Хан захохотал в голос и даже в ладоши захлопал, подтверждая мой диагноз. А я на этом моменте замолчала, ткнула в него пальцем, со знанием дела заключая:

— О, видала? Припадок.

Допила залпом кофе, зажевала последний кусочек булки и потопала на выход, планируя убраться из этой богадельни навсегда. Ноги моей здесь более не будет!

Глава 4 – Разборки в Бронксе

Даша

— Ну и что это вчера было, скажи мне на милость, Ветрова? — бахнулась на место рядом со мной Ева и вперила в меня выжидающий взгляд. Против такого уже не попрешь и с темы не съедешь, отмахиваясь от подруги лживыми отговорками.

— Ой, не начинай, — скривилась я.

— Как это не начинай! Я должна все знать! — возмутилась девушка, а я только шикнула на нее и втянула голову в плечи, так как в аудиторию, горделиво неся свою ядовито-рыжую макушку, вошла Коза. Глянула на всех нас, как на мерзких тараканов, поджала пухлые губы и прошла к своему месту, скрупулёзно раскладывая многочисленные манатки.

Наконец-то, наместив себе насест, она уселась и первым делом с прищуром посмотрела на самых «любимых» студентов и на меня в том числе. Так, будто бы раздумывала, что первым нам ампутировать: руку, ногу или голову.

— Дашка, смотри, Людоедовна сегодня по ходу особенно не в духе. Интересно, она не с той ноги сегодня встала или вчера и теперь там ярости накоплено? — но я на это наблюдение подруги ничего не ответила, ибо побоялась неосторожным движением вызвать гнев Козы, а потому сидела и, кажется, даже не дышала, опасаясь спровоцировать ненор-

мального педагога.

Вообще, надо бы сказать, что не всех она прессовала так жестоко, как меня, ибо, особую ненависть у нее вызывали все девушки, но именно блондинки. Вот их она и гнула в бараньи рога. Нет, серьезно: на пересдачах у Казариной всегда были исключительно особи женского пола. Вот такая вот грустная дискриминация по половому признаку. Но насчет парней, кстати, она так никогда не лютовала и даже самому отпетому неучу всегда с натяжкой ставила тройбан. Да и мужская половина потока ненависти к преподавательнице не разделяла, ибо Коза была не старше тридцати, стройная, на любителя красивая и с просто огромными сиськами, на которые залипали все кому не лень. Не то, чтобы я завидовала, у меня самой с этим делом было все в порядке, но суть от этого не изменишь, ибо я постоянно слышала от парней в адрес Казариной не требующее перевода и восторженное: «я бы вдул!».

Но сегодня взгляд Любоедовны особенно напрягал, если не сказать больше. Она на пару секунд будто бы мне во лбу дырку пыталась высверлить, а потом неожиданно громко хлопнула в ладоши и словно акула оскалилась. В миру это звалось улыбкой, но Коза не умела улыбаться, и все об этом знали.

Зато эта женщина была способна орать, как резаная, когда ее трахают. Вот только знала эту байку из склепа лишь я одна и безумный Макс, который, очевидно, с дуба рухнул.

А иначе, почему вдруг у этого небритого пахаря-трахаря в принципе появилось желание вести меня в кино.

Я что, как Людоедовна, на честно-давалку похожа?

В неожиданную любовь с первого взгляда я не в жизнь не поверила бы, а посему напрашивался лишь один вывод: этому парню с самомнением до небес было плевать, кого драть и в хвост, и в гриву. Хоть Козу, хоть единственную и горячую любимую дочь друзей семьи. Фиолетво вообще. Пропишет, как за здрасти и снова в свой Китай укатит, весело насвистывая.

Нет, мимо проходим, парниша. Нам такое счастье не надобно.

Надо ли говорить, что пару с Казариной я просидела как на иголках? М-да...

Людоедовна отжигала, но стоило только прозвенеть звонку, как я практически самая первая выбежала из аудитории, сверкая пятками. А вслед за мной и Ева. И снова прицепилась ко мне как банный лист к заднице и давай пилить насчет своего брата и того, что же между нами такого приключилось вчерашней ночью.

Ну я и не сдержалась.

Да и, честно сказать, хотелось хоть кому-то поплакаться в жилетку. А лучшая подруга как раз же для этого и существует, если что.

— Короче..., — сцепила я перед собой пальцы в замок и натянулась вся как струна.

— Дашка, не томи!

— Я действительно вчера ночью ходила попить водички. Жарко было, сама понимаешь.

— Так...

— И действительно пересеклась с твоим братом. А потом стало еще жарче.

— И? — Ева сглотнула, и глаза ее странно заблестели, очевидно, предвкушая какую-то романтическую историю о том, как я и Макс в темноте столкнулись, поцеловались и решили отныне жить долго, счастливо и умереть в один день. Но наутро я передумала.

Как жаль ее разочаровывать. Или нет? Конечно, нет.

— Тормози фантазировать, Ева. Братан твой был не один.

— А с кем?

— Ты только в обморок не падай,

— Ветрова, рожай резче! — практически зарычала Ева, а я прикрыла глаза и выпалила, как на духу.

— Он был с Казариной, — но видя непонимающий взгляд девушки, мне пришлось пояснить, — с Козой. С Людоедовой нашей.

И до Евы наконец-то дошло.

— Чё? — лицо подружки перекосило, а левый глаз, клянусь, чуть не выпал, так она на меня вытаращилась с открытым ртом.

Дальше, шепотом и под явный шок Евы я, конечно же, опуская пикантные подробности, рассказала, как было дело

и насколько грязно с нашей дорогой преподавательницей вел себя Макс Хан.

И, честно сказать, я немного не той реакции ожидала под конец своего душещипательного рассказа.

— Ай, да брат! Ай, да красавчик! — ликуя и потрясая кулачками в воздухе, разулыбалась подруга, чуть не лопааясь по швам от распирающей ее радости. Нет, реально, я еще никогда не видела, чтобы Еву Хан так что-то бы зажгло. Даже улыбка Тимофея Аверина не вызывала у девушки столько восторгов.

Дела...

И до конца учебного дня Ева компостировала мне мозги, на полном серьезе, не понимая как так и почему я не бегу с развевающимися на ветру волосами и с подтекающей слюной на свидание с ее потрясающим братом, который фактически совершил подвиг: трахнул Казарину и выставил ее за дверь.

— Ох ты ж черт возьми, я обожаю Макса! Он — лучший! Самый-самый! Мечта!!!

Я лишь изобразила рвотный позыв и распрощалась с подругой, мечтая поскорее очутиться дома и немного перевести дух от всего, что за последнее время творилось в моей жизни. Прыгнула за руль своей маленькой красной «пули», которую мне на восемнадцатый день рождения подарили любимые родители, и полетела в отчий дом.

Но стоило мне только переступить порог и счастливо вздохнуть, как пришлось тут же не хило так поднапрячься. Почему? Ну, потому что передо мной, со сложенными на груди руками стояли мама и папа.

И они очень хмуро, и очень не по-доброму смотрели на меня.

Через секунду отец кивнул и скомандовал тоном, не требующим возражений:

— В мой кабинет, дочь. Живо!

Вот же блин...

Киваю сдержанно и с видом оскорбленной королевы вышагиваю в ту сторону, которую было приказано. Типа я не прогнулась, а снизошла. И лицо так кирпичом сделала, чтобы ни одна живая душа не догадалась, что я напугана до чертиков: поджилки трясутся, и в голове гул вопросов стоит о том, что именно мне собирается предъявить отец. Насколько запущено мое положение?

— Я помолюсь за тебя, сестра, — с гадкой и максимально довольной улыбкой вещает со второго этажа, облокотившись на перила, мой младший брат Матвей. Придурок малолетний: ему только пятнадцать, но он уже имеет больше возможностей, чем я в свои восемнадцать.

Все, потому что Мот — мальчик, а я девочка. По мнению моих досточтимых родителей, между нами целая бездна. И что хорошо Моту, то мне смерть.

Вселенская несправедливость.

Вздыхаю, прохожу в кабинет отца и располагаюсь в одном из кресел напротив рабочего стола. Мама занимает место подле меня. Отец устраивается у компьютера, что-то там щелкает мышкой. Хмурится недовольно и кидает на меня взгляды, полные безграничного разочарования.

— Рома, можно я начну? — просит мама, а я слышу в ее голосе надежду на то, что я все еще хорошая девочка.

— Ну, попробуй, Сонь, — откидывается на спинку кожного кресла отец, складывая руки на своем животе и рассматривая меня, чуть прищурившись.

Нет, ну вот зачем так? Лучше бы поорали, да успокоились, а так у меня первая седина в восемнадцать появится. Не родители, а инквизиторы, честное слово.

— Даша, доченька?

— Да, мама? — поворачиваю на голову к родительнице.

— Детка, расскажи нам честно, где ты была в ночь с субботы на воскресенье.

Блин, они знают? Или догадываются? Или чертов Макс Хан все-таки, как я и предполагала, оказался махровой сволочью, а потому сдал и меня, и сестру в придачу? Если так, то его шарам не поздоровиться встретиться с моим коронным ударом с ноги.

Хрясь — и можно сказать, что нет больше мальчика. Потом помянем.

— Мам, я была вместе с Евой Хан с ночевкой у Кати Капустиной. Ты же сама разговаривала с ее мамой еще в пят-

ницу. Ты чего? — не моргнув и глазом, понесла я поток отборной лжи.

— Ты уверена, Даша?

— Конечно, мама.

— И что вы делали у Кати дома?

— Устроили пижамную вечеринку. Я же тебе говорила, — улыбалась я бесконечно так, что у меня разболелись скулы.

— И никуда из дома не выходили?

— Ну, разумеется, нет.

— Совсем-совсем?

Я сделала вид, что задумалась, но через пару мгновений все-таки отрицательно покачала головой и заключила.

— Нет.

— Ну, я хотя бы попыталась, — вздохнула печально мама, а затем встала со своего кресла и подошла к окну, за которым все еще ярко и жарко светило солнце. — Твой выход, Рома.

— Вечеринка, значит, да? — усмехнулся отец, а я утвердительно кивнула. — Пижамная?

— Верно.

— С блестками и боевым раскрасом на лице?

— Пап..., — нервно сглотнула я и только сейчас поняла, что мы явно движемся куда-то не туда.

— С голым животом и в шортах, для которых нужны еще одни шорты?

— Блин, — закусил я нижнюю губу и потерла виски, понимая, что меня планомерно загнали в западню. Надо было

сразу бить челом и в ноги предкам падать, просить прощения и напоминать им как бы между прочим, что мне не пять лет, что я совершеннолетняя и имею полное право затусить с подружками чутка.

— Никого не узнаешь на этом фото, дорогая моя дочь? — и вот именно тут случилось страшное: отец развернул ко мне монитор своего компьютера, который показывал мне фото с участием меня и Евы в ночном клубе. Мы скалились от счастья, как придурочные, и верили в том, что самые умные.

Я вытянула губы трубочкой, покусывая щеку изнутри, и приняла задумчивый вид, наигранно пристально разглядывая снимок. Хмыкнула и решила отыгрывать свою партию до конца.

— Слушай, пап, лица знакомые, но я точно не уверена...

— Даша! — рявкнул отец, но я даже не шелохнулась, как таранилась в монитор, так и продолжила это делать.

— А откуда у тебя этот милейший снимок? — задала я вопрос, хотя уже совершенно точно знала на него ответ.

Собака сутулая. Полупокер с ошметками между ног!

— Ты реально считаешь на то, что я сейчас буду перед тобой отчитываться, Даша?

— Нет, но...

— Итак, я тебя слушаю!

— Прежде чем говорить, хочу напомнить, что мне уже исполнилось восемнадцать, папа и мама.

— Ночной клуб не место для приличных девушек!

— Рома, — тут же осекла его мама, и они оба как-то странно переглянулись. Но я решила не придавать этому значения, у меня и без того забот хватало выше крыши.

— Мы просто немного потанцевали, пап. Ну что тут такого?

— В полуголом виде?

— Ну не в парандже же мне было туда идти?

— Врать родителям тоже было не обязательно, Даша, — подала голос мать, но я только фыркнула.

— Да вы меня, была бы ваша воля, давно бы уже в башню неприступную упекли, а ключ от нее выкинули в глубокое синее море, — причитала я.

— И где ты провела ночь? — сурово и давяще спросил отец.

— У... ну у Кати Капустиной, конечно.

— Даша, мы звонили НАСТОЯЩЕЙ маме Кати Капустиной, и она утверждает, что вообще первый раз слышит про то, что в их доме должны были ночевать какие бы то ни было девочки. Напротив, милая женщина сказала, что ее дочь должна была ночевать, внимание, у нас! Представляешь наше удивление, доченька! Так что хватит врать!

Так спокойно! Еще ничего не потеряно. Катя нас точно прикроет, а потому последняя попытка не попасть под домашний арест идет в расход.

— Блин, ладно, — подняла я руки вверх, типа признавая

поражение, — ладно, окей! Мы все ночевали у старшей сестры Кати — Ксюши. Позвоните ей прямо сейчас, и она скажет, что я не вру.

— Номер! — скомандовал отец, и я тут же ему его продиктовала.

Засада, конечно, и Катюха нас с Евой отругает, потому что у сестры она зажигала со своим новым парнем, с которым ей запрещали отношения родители. А тут теперь вся преступная схема вскроется. И кто виноват?

Ну все, пахарь-трахарь хренов, тебе не жить! А если и жить, то очень мучительно! Очень!!!

Но цифры номера сестры Капустиной я все же назвала, хотя отец почему-то и не стал никому звонить и требовать объяснений. Он просто устало посмотрел на меня, сложив руки в замок на столе, и на выдохе заключил:

— Ты меня разочаровала, Даша. Но так уж и быть, я поверю тебе. В последний раз!

— Спасибо, папа.

— Но если ты мне и здесь соврала, то пеняй на себя. Мы снова вернемся к личному водителю и тотальному контролю. И знаешь почему? Потому что это не допустимо, чтобы девочки из уважаемых семей Ветровых и Ханов фестивалили с голыми задницами по всяких злачным заведениям!

— Это лучший клуб Москвы! — возразила я, но тут же заткнулась.

— Плевал я на это! Ты — моя дочь, а не какая-нибудь

там..., — гаркнул отец, но, глянув на маму, словно бы поперхнулся и замолчал. — Все, допрос окончен. Иди в свою комнату, санкции в твою честь мы с мамой озвучим за ужином.

— Ну, пап...

— Иди.

— Ну, мам...

Но в ответ мне были только осуждающие взгляды родителей, которых я совершенно разочаровала. И возможно не потому, что потащилась в этот глупый клуб, который мне был совершенно не нужен. А потому что пошла на поводу у Евы и наврала родителям, а затем непонятно, где провела ночь, что было в высшей степени безответственно.

Эх, еще хорошо, что папа не в курсе, какие порнофильмы смотрела его дочь в ночь с субботы на воскресенье. И с кем в главной роли. Вот тогда бы мне точно светило пожизненное под домашним арестом. И ночные клубы мне бы открыли свои двери лишь на пенсии. Максимум!

Но это все лирика.

Отбилась.

А теперь пора кое-кому позвонить и поинтересоваться, а не мурак ли он часом.

Достала телефон и тут же набрала Еву, игнорируя удивленный взгляд в мою сторону младшего брата.

— О, ну надо же, живая.

— Отвали, Мот, — отмахнулась я и вбежала в свою ком-

нату, призывая мысленно, чтобы подруга взяла трубку.

И она сделала это.

— Да, Дашунь.

— У тебя как?

— Тихо. А что?

Вот же гад! Вот же сволочь, а!

— Да ничего, Ева. Просто я тут внезапно одумалась.

— Ась?

— Номер, говорю, своего брата мне дай.

— А-а, номер. Так это я легко, — захихикала подруга.

— Жду, — буркнула я и отключилась.

А через минуту уже, с кипящей кровью в венах и жаждой убийства, звонила Максу Хану. А он принял вызов почти сразу и елеино потянул в трубку.

— О, Дашенька, если бы ты знала, как я рад тебя слышать, моя ж ты хорошая...

И рассмеялся.

Падла!

Глава 4 – Шантажист 80-го уровня

Даша

— Слышь ты, Ванга недоделанная, — набрав в легкие побольше воздуха, пропустила я вступительную часть с приветствием и принялась сразу изрыгать огонь.

— Воу, полегче, милашка, иначе решу, что ты в меня влюбилась, — легко рассмеялся в трубку Хан, а у меня аж пар из ушей повалил. Смешно ему! У меня тут тысяча и одна неприятность из-за этого кролика Роджера, а ему весело.

— Ты зачем моему отцу слил фотку из клуба, болезный? — гневно процедила я каждое слово, давая ему понять, что он, благодаря этому своему поступку в моих глазах не просто рухнул ниже плинтуса, но и окончательно пробил дно.

Стукач великовозрастный!

— А ты зачем отказалась в кино со мной идти, красивая? — кривляясь и копируя мой тон, вопросом на вопрос посмел ответить этот злыдень.

— Да кому ты нужен!

— Тебе.

— Пф-ф-ф, — закатила я глаза, не зная, что сказать на эту чушь несусветную.

— Дай мне максимум неделю, и, я бьюсь об заклад, что ты не только сменишь гнев на милость, но и по уши в меня втрескаешься.

— Не помню, чтобы в порядочной семье Ханов были юмористы или душевнобольные, — потрясенно потянула я.

Нет, ну вы посмотрите. Я его оскорбить пытаюсь, а он снова ржет.

— Не веришь?

— Ну, почему же? Очень даже верю. Я где-то прочитала, что с психопатами лучше не спорить — себе дороже.

— Что отругали тебя? — слишком быстро сменил он тон с веселого на максимально серьезный.

— А ты как думаешь? — зарычала я.

— Не знаю, меня в мои восемнадцать не ругали, даже тогда, когда я из клуба домой не приходил, а приползал.

— «В мире животных» какое-то..., — вздохнула я наигранно печально.

— Да брось, что мне еще было делать, если ты уперлась рогом?

— Ты сейчас серьезно?

— Абсолютно. Я как честный Магомед иду к своей строптивой горе. Жди, скоро буду. Вот те крест!

— Смотри, ноги по дороге не переломай, — ошетибилась я, но этому персонажу было все равно, кажется, что я так сотрясаю воздух своими недовольными репликами.

— Какая ты вероломная.

— Предупреждаю на берегу.

— А я еще хуже.

— Да, неужели? — усмехнулась я.

— Да, — потянул он, буквально мурлыкая в трубку. — Ты там сидишь?

— Нет.

— Лучше сядь, Даша, потому что я собираюсь сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

— Будь другом — не утруждайся.

— Но я все же рискну. Итак, лови файл на телефон, а потом сделай закономерный вывод: что лучше пойти со мной на свидание, чем показывать такие ужасы твоему грозному папке.

— Хан! — предостерегающе рывкнула я, но ему было плевать.

— Все, моя хорошая. Встречаемся завтра, ровно в семь вечера. Ресторан «Белый кролик», столик на Хана. И не опаздывай, иначе моя рука может дрогнуть.

И отключился, пес смердящий. А я топнула ногой и провалилась в мессенджер, в котором с номера этого ужасного человека и злостного манипулятора уже был выслан мне видеофайл, который было до жути страшно смотреть. Но перед смертью, как говорится, не надышишься.

А потому я кликнула на вложение, и видео начало свой бег, под непрерывный звук проклятий, посылаемых в адрес Макса Хана. Чтоб его всю оставшуюся жизнь мучили зловонные метеоризмы.

А между тем видео показывало мне ужасную нарезку из прошлого: вот она я — в трусах и мужской футболке спус-

каюсь вниз со второго этажа на первый, дабы попить водички в чужой квартире. Вот бегу и прячусь в коморке. А вот и предстаю перед Ханом во всей красе, пока он в шоке выдирает пульт от телевизора из моих дрожащих рук.

Вот же черт!

Кто же мог подумать, что у этого гадкого человека в квартире стоит видеонаблюдение?

А теперь же что получается?

Если я не прогнусь, то мой отец узнает, что его дочь на пару с подругой украли ключ от чужой квартиры, ввалились туда без спросу после похода в ночной клуб. И вишенкой на торте будет вот это: как любимое чадо пару часов лицезреет порнофильмы с эффектом присутствия.

Да меня же папа после такого позора окончательно в монастырь упечет! Ладно Еву — ей полезно. А меня-то за что? Я ведь лишь жертва обстоятельств!

Но предпринимать все же что-то было надо, и я заметалась по своей комнате, как тигр в клетке. Перебрала в голове несколько вариантов, чтобы красиво съехать с темы, но все они были слишком рискованными. Да и я понимала, что, если Хан уже подставил меня раз перед отцом, то он сделает это снова, пока не получит от меня желаемое.

А посему, что у нас получается?

Без шансов, да?

Но Ветровы просто так не пасуют перед сложностями. Вот и я не стану. Ресторан, значит? Что ж, пусть будет так. Сни-

зойду! Вот только под обстоятельства не прогнусь, а сделаю все с подвыпердвертом. Так сказать, устроим мальчику сюрприз.

Так, так, так, где там у меня телефон Машки Афанасьевой? Она же в театральном училась и параллельно с этим проходила всевозможные курсы гримёров, мастерски создавая ужасные шрамы, порезы и дальше по списку. Между прочим, она нам на прошлый Хэллоуин такие образы замутила, что меня и мать родная не узнала бы.

Сейчас же у нее задача стояла проще. И я смело набрала ее номер.

— Привет, Ветрова, — почти сразу же взяла трубку на том конце провода Афанасьева.

— Привет, Маш. Как дела?

Какое-то время подруга рассказывала о себе, о свое любимом коте, которому в этом году исполнилось шестнадцать лет, и он страшно болел, полностью ослеп на один глаз и потерял все зубы.

Вот почему в мире такая несправедливость, а? Хорошие, милые котики мучаются, а всякие там похотливые и противные Максы Ханы живут себе припеваючи. Да лучше бы это у него зубы вывалились, и зенки отказали.

Но увы...

— Может, чем помочь, Маш?

— Нет, спасибо, справляемся своими силами. Мама предлагает кота усыпить, чтобы он не страдал, но у меня рука не

поднимается. Мы же с самого детства с ним вместе. Как я могу так поступить?

И то верно.

— А ты-то сама как, Ветрова?

— Я-то? Ну, если честно, то не очень, — с усталым вздохом призналась я.

— А что так?

— С родителями поссорилась.

— Ну, это дело житейское.

— Это да, — вздохнула я и решила наконец-то перейти к цели своего звонка. — Маша, помоги.

— Так?

— Мне нужен камуфляж. Профессиональный. Чтобы комар носа не подточил.

— Мертвая невеста?

— Нет.

— Зомби?

— Маша!

— Баба-Яга?

— Слушай, а Яга — это хорошо. Как думаешь, в ресторан в таком виде пустят?

— Смотря в какой, — потянула Машка.

— В дорогой. С мишленовскими звездами — «Белый кролик».

— Ох, даже не знаю...

— Машенька, миленькая, надо чтобы пустили. Сделаешь?

— Вот ты дурная, Ветрова, — вдруг рассмеялась подруга.

— Это кому так повезло?

— Да козлу одному, — сразу же ошетибилась я и потрясла кулаком в воздухе.

— А просто не пойти с ним не вариант?

— Нет, Маш. В том-то вся соль этой песни: пойти надо, но так, чтобы у одной надоедливой задницы, все желание куда-либо со мной ходить впредь отвалилось на корню. Ну так что, выручишь?

— Конечно. Когда нужно?

— Завтра. Встреча у меня в семь вечера.

— Приезжай, сделаем из тебя «красотку».

— А-а-а-е-е! — подпрыгнула я на месте и счастливо повалилась на кровать, предвкушая перекошенную морду лица, когда Хан увидит, с кем именно ему придется ужинать и весело болтать на виду у честного народа.

Хотел свидание с Дашей Ветровой, милый? Ну так получай!

Глава 5 – Кто на свете всех милее?

Даша

— Привет, Маш, — улыбнулась я подруге, перешагивая через порог квартиры, где она жила с родителями и младшей сестрой. В прихожую тут же вышла тетя Лена, натирая вафельным полотенцем тарелку и улыбаясь мне. Спросила: как дела, как учеба, чего так редко забегаю в гости? Я же только честно ответила, что папа-тиран заставляет меня день и ночь грызть гранит науки, вот и не остается времени на личную жизнь.

— Хороший у тебя папа, заботливый, — кивнула родительница Машки, — потом ему спасибо за это скажешь.

И удалилась на кухню, очевидно, дальше натирать до блеска разнообразную утварь.

— Ну, что? Идем? — перевела я глаза на подругу.

— Ага, пошли, — дала она мне знак следовать за собой.

Мы прошли в комнату, которую Машка всю сплошь заклеила Майли Сайрус. Меня тут же передернуло, так как я не очень любила всю эту попсовую туфту. Мне по нраву был рок, типа The Score и Thirty Seconds to Mars. Все остальное я музыкой не считала, но свое мнение всегда держала при себе.

В конце концов, все это вкусовщина. И даже на Макса Ха-на есть кому клевать. Хотя и не удивительно, что это сделала

такая тухлая рыбина, как Коза. На большее его не хватило.

Бр-р-р!

— Так, звезда моя, садись вот сюда, — указала мне на настоящий примерный столик Машка, который располагался в углу ее небольшой комнатки и был завален всевозможными косметическими штучками.

— Села, — устроилась я на высоком стуле, хлопая себя ладонями по коленям.

— Итак, план не изменился? На повестке у нас по-прежнему Баба-Яга для Ивана Царевича?

— Думаю, да, но меня все еще терзают смутные сомнения, — кивнула я решительно, встряхивая руками и готовясь к трансформации, — и еще, там не Царевич, Маш. Не-а.

— А кто?

— К моему большому сожалению, всего лишь Кощей Бессмертный.

— Так ты дай ему по шарам, возможно, именно в них найдется та игла, на конце которой его смертушка хранится, — хохотнула Машка, а я призадумалась.

— Даже если никакой иглы там нет, то втащить ему по шарам — это идея на миллион, — подруга подмигнула мне, и мы дали друг другу пять.

— Ну, хорошо, а сомнения твои в чем заключаются?

— Если бабку будем из меня лепить, то этот Кощей недобитый решит, что я именно из-за него заморочилась. А это что-то, да значит, понимаешь? У мужиков же как? Всегда

«да» там, где «нет».

— Это точно, — хмыкнула Машка. — И что ты предлагаешь?

— Катю Пушкареву знаешь?

— Не слышала, — отрицательно покачала головой подруга.

— Это ничего, я до вчерашнего вечера тоже не знала, но Google меня просветил. Сейчас тебе покажу, — и я тут же затыкала в своем телефоне, находя фотографию девушки в очках и брекетах. — Вот.

— Умная до зубного скрежета, наверное, да? — потянула Машка.

— Теперь ты понимаешь, о чем я тебе говорю? — рассмеялась я.

— Хочешь собрать комбо? — поиграла бровями Афанасьева, а я согласно кивнула.

— Душнила. Ханжа. Балаболка по пустякам. Добавим сюда немного трэшевой внешности, и Кошечка, если уж не хватит апоплексического удара, то обратное ускорения у него точно появится, — даже я от таких «радужных» перспектив довольно потеряла руки.

— Брекеты только поставить тебе не получится, Даш, — скривилась Машка, — у тебя идеальные, белоснежные зубы, да и реквизита у меня такого нет.

— Зато остальное есть, так?

— Ага.

— Тогда поехали.

Через час я смотрела на себя в зеркало и поверить не могла, радостно хлопая в ладоши, ведь то, что сотворила со мной Афанасьева, не иначе как шедевром назвать было нельзя. У меня был натурально землистый цвет лица с ярко выраженными болезненными синяками под глазами, словно бы я не спала века два или даже три, изучая тригонометрию и латынь. Один назревающий прыщ на лбу и еще один такой же на щеке. Сухие, обветренные губы и едва заметная растительность над верхней губой, в которой прямо читалось слово «зануда». Ну и довершали образ безобразные круглые очки в роговой оправе и волосы, заплетенные в две унылые косички по бокам, в пробор между которыми подруга насыпала нечто до боли похожее на перхоть.

— Офигеть, Афанасьева, ты реально сотворила чудо!

— Не благодарю, — раскраснелась от удовольствия Машка, складывая руки на груди и аж распухая от гордости.

— Ну, кто на свете всех милее? — продолжала я кривляться собственному отражению.

— Конечно, ты, Ветрова, — хлопала в ладоши подруга.

— Одна беда — Кощей видел меня после ночного клуба совсем в другом амплуа, — огорченно скривилась я.

— Пф-ф-ф, ну скажи, что просто тогда была после апгрейда, но он тебе пришелся не по душе.

— Точняк, — кивнула я и слезла с высокого стула, подходя к своему рюкзаку и доставая из него недостающий кусо-

чек пазла унылой папиной дочки — почти монашеское шмотье: юбку в пол цвета детской неожиданности, темно-коричневую рубашку с рюшками и воротом под самый подбородок, клетчатую безрукавку, усыпанную катышками и, конечно же, белые носочки с сандалиями на манер восьмидесятых.

— Срань господня, — захохотала Машка, когда я облачилась во все эти скучные одежды.

— Мне тоже нравится, — покрутилась я вокруг собственной оси и подмигнула своему отражению.

— Твой Кошей сбежит от тебя, сверкая пятками, сразу, как только увидит.

— Ага, — кивнула я, — предварительно обгадившись до смерти от страха.

Мы обе подавились смехом так, что у меня аж слезы на глазах выступили. Затем я еще раз сердечно поблагодарила Машку и покинула ее гостеприимную квартиру, торопясь не опоздать на свидание века. Но уже перед выходом еще раз пересеклась с тетей Леной, которая при виде меня перекрестилась и совершенно резонно уточнила:

— Дашенька, все ли с тобой в порядке?

— Теперь да, — кивнула я и, в последний раз обнявшись с Машкой, побежала вершить великие дела.

Преисполнившись образом Кати Пушкаревой, я уселась в свою красную машинку и включила на всю катушку Бритни Спирс, стараясь по максимуму вжиться в роль. И покатила в

ресторан «Белый кролик», стены которого, очевидно, такого позора в жизни не видавали.

Припарковалась. Прошла в прохладный, пахнувший розами и роскошью холл заведения и направилась к ошарашенному хостес, который смотрел на меня со смесью брезгливости и недоумения.

— Добрый день, — улыбнулась я парню, на бейджике которого каждому сообщалось, что он Юрий.

— Добрый, — улыбнулся он мне, — вы, наверное, вошли не в ту дверь?

— Отнюдь, — пождала я плечами и перехватила подмышкой поудобнее свой ридикюль, который еще вчера урвала в антикварном магазине: матерчатый, потрепанный жизнью и молю, а еще также уставший от всего этого концерта, как и я. — Столик на Хана. Возможно, меня уже ждут.

— Ах, в таком случае прошу прощения, — склонился в извиняющемся поклоне парень и дал знак следовать за ним, пока мы не добрались до столика у окна и с видом на величественное здание Министерства иностранных дел.

Нет, ну вау, конечно, да только вид самого Макса Хана при моем приближении был куда как более захватывающим. Ибо парень форменно потерял челюсть и округлил глаза до такой степени, что я побоялась за то, что они просто вывалятся из орбит.

— Привет, — кивнула я ему, шлепнула на стол свой позорный ридикюль и уселась напротив, полностью довольная

произведенным фурором.

Вот только счастье мое длилось недолго, потому что чертов Кощей снова принялся играть не по правилам. Эх, береги шары, парниша, я тоже еще тот тертый калач...

— Вау, Ветрова, вот это да! — экзальтированно приложил ладони к груди Хан и закусил нижнюю губу, взирая на меня так, словно бы перед ним сидела по меньшей мере богиня красоты, а не унылая зубрилка. — Неужели это все для меня? Я сражен наповал!

Но на этом представление не закончилось. Высунув язык на бок и закатив глаза, парень сунул кулак под свою стильную футболку-поло со стороны сердца и изобразил, как оно оголтело бьется для меня одной.

— Видишь? — прищурился он на один глаз.

Я же только фыркнула, сложила руки на груди и отвернулась, пока Хан продолжал отжигать. Схватил салфетку и, дурашливо закусив язык, принялся что-то из нее крутить, пыхтя и улыбаясь так, словно бы у него был какой-то страшный психиатрический диагноз.

— Готово! — наконец-то закончил он свою поделку, сунув мне под нос бумажное кольцо. — Дашка, вот те крест — это любовная любовь с первого взгляда и до гробовой доски. Не томи же, скажи, ты выйдешь за меня замуж?

И уставился на меня так выжидательно, будто бы не дурака валял, а на полном серьезе делал предложение руки и сердца. Шут гороховый.

— Я сейчас сознание от счастья потеряю, — процедила я равнодушно и отпила воды из бокала.

— Да или нет? — гнул он свою линию, я же только удивленно подняла брови, решаясь сказать чистую правду.

— Конечно, да! Не дай бог, у тебя от первого в жизни отказа случится апоплексический удар. Загредишь в дурку. Папа от греха подальше вычеркнет тебя из своей жизни и завещания. Ну и апогей всему — смиренная рубашка и мягкая комната. Катастрофа, а у тебя же еще столько баб не трахано.

— Как грубо, Даша, — скривился Макс, а потом весело рассмеялся, — градус моей любви зашкалил еще сильнее. Обожаю плохих девчонок.

Правда с колкой шпилькой в ответ пришлось повременить, так как к нашему столику подошел официант, но не с меню и винной картой, а уже с готовыми блюдами и бутылкой дорогого шампанского. Выгрузил все добро перед нами с серебряной тележечки, улыбнулся нам и зажег свечи на столе, добавляя неуместной романтики в эту глупое лже-свидание.

— Прости, любовь моя, за самоуправство. Я решил, что ты будешь не в силах самостоятельно сделать заказ, очарованно глаза на меня и влюбляясь с каждой минутой все сильнее и сильнее.

— Слушай, тебя мама в детстве не роняла? — хохотнула я.

— То неведомо..., — пожал он плечами и поднял бокал с шипящим напитком. — Ну что, выпьем за нас?

— И за спецназ, — меня аж перекосило, так взбесила вот эта показушная самоуверенность и дерзость. Он что думает, любая, как и Коза, мечтает заслужить или на худой конец вымолить его благосклонность?

Да я в гробу этого Хана видала со всеми его бумажными кольцами!

— Так, я понял! — отодвинул фужер в сторону парень и поднялся со своего стула.

— Что? — нахмурилась я.

— Пойдем?

— Куда?

— Надо.

— Тебе надо ты и иди, — возмущенно фыркнула я.

— Какая страсть, какая экспрессия, — как-то слишком хищно улыбнулся Хан и схватил мою ладонь со стола, дергая на себя и переплетая наши пальцы. И не вырвешься. Да и мы были не в какой-то там среднестатистической забегаловке, а в ресторане с двумя мишленовскими звездами. Ладно прийти сюда в образе Кати Пушкиревой, но устраивать сцены — это уже слишком.

Пришлось встать и позволить себя потащить куда-то прочь из зала.

— Куда мы? — обеспокоенно закрутила я головой по сторонам, замечая направленные на нас взгляды многочислен-

ных посетителей заведения. Тут чинно поедали свои салаты сплошь шикарные женщины в вечерних нарядах, увешанные драгоценностями, и почти все они сворачивали шеи, смотря на Макса Хана с неприкрытым восхищением в глазах и голодом. А еще недоумением, что такой, как он делает рядом с такой, как я.

Ну а чего греха таить? Этот персонаж реально был как с картинки модного журнала – девичья мечта, постер которого вешают на стенку. Высокий, подтянутый, спортивный, но не перекачанный. Смазлив, но не до приторности, а только чтобы разбавить шкалящую брутальность. Темноволосый, с недельной щетиной на скуластом лице, и с непоколебимой верой в голубых, как небо глазах, что он царь, просто царь...

— Макс, куда мы? — повторила я еще раз, дергая того за руку.

— Я еще не определился до конца.

— Что?

— У меня два варианта. Первый — сразу в ЗАГС, чтобы там приплатить кому надо и поженить нас в кратчайшие сроки. И второй — затащить тебя в укромное место и поцеловать так, чтобы все сомнения насчет меня из твоей очаровательной головки выветрились, и ты наконец-то мне сказала долгожданное «да».

— Ты больной, — охнула я, но тут же заткнулась, потому что Хан втолкнул меня в первую попавшуюся на пути уборную и закрыл за нами дверь.

А затем буквально зашвырнул меня на столешницу, задирая уродливую юбку до колен, разводя мои ноги в стороны и вольготно устраиваясь между ними. Дальше ошпарил мои рецепторы терпким ароматом своего парфюма, туманя голову и вышибая внутреннюю решимость протестовать до победного и быть смелой. И вот тут я даже не успела до конца понять, куда именно мы несемся на бешеной скорости. Лишь коротко пискнула:

— Даже не думай! — отшатываясь от Хана, как от чумного, но и он, очевидно, не собирался тормозить в своем сумасшествии.

— Зря сталась с этим маскарадом, Дашенька. Я прошлый раз все рассмотрел.

— Да пошел ты, — огрызнулась я, пытаюсь высвободиться, но этот тип был в раза два больше меня.

— Жаль не попробовал...

— Чего?

— Ничего, сейчас все наверстаю...

— Нет!

— О, да...

И прихватил меня одной рукой за волосы, второй за шею, резко дергая на себя. А в следующее мгновение запечатал мне рот поцелуем. Жестко. Решительно. И по-взрослому.

Я замычала и задергалась в его руках, но в ответ получила только ощутимый укус за нижнюю губу. Охнула от легкой

боли, но в тот же момент задохнулась, потому что Хан воспользовался моим промахом и тут же ворвался в меня своим языком, форменно насилуя мой рот и заставляя чувствовать то, что мне чувствовать совсем не хотелось.

Одна рука с шеи опустилась на грудь сквозь допотопную жилетку и рубашку ощупывая все, что можно и нельзя. Чуть сжала. А затем уверенно легла на ягодицы, резко прижимая меня к горячему мужскому телу. И все это Макс делал, не переставая накачивать меня своим вкусом, толкаясь языком все глубже, ритмичнее и бессовестнее.

А мне и не вывернуться, потому что он слишком жестко удерживал за волосы. И да, это было откровенное, ничем не прикрытое насилие, но у меня от него напрочь снесло башню. Тело прошила раскаленная добела судорога, грудь перехватило тисками, выкачивая из легких весь кислород и заполняя их непонятной мне субстанцией, которая проникала в кровь и поджигала ее, доводя до кипения.

— Пусти, — через силу рванулась я прочь, когда низ живота затопило бурлящей лавой.

И разреветься хотелось! Потому что мое собственное тело меня же и придало. Потому что оно было в восторге оттого, как его поцеловали. И оттого, что никто и никогда не делал это вот так — будто бы выбора у меня уже нет, кроме как смириться и стать еще одной постельной игрушкой Макса Хана по типу Казариной.

Господи, какой стыд!

Со всей силы его толкнула в грудь, спрыгивая с высокой столешницы умывальника, и припустила прочь, намереваясь немедленно покинуть это место и этого доморощенного придурка, у которого явно не все дома.

— Стоять! — рванул меня на себя Хан, плотоядно облизываясь, словно кот, обожравшийся мраморной говядиной.

— Да пошел ты!

— Ты должна мне свидание. Забыла?

Вот же козел!

С ответом не нашлась, только выдернула свою руку из его хватки и гордо потопала обратно за столик. А чего? С этого неадекватата станется моему папаше то видео отослать. Нет уж, с меня не убудет. Вкусно покушаю и свалю отсюда, куда подальше, внося номер Хана в черный список и напрочь забывая о его существовании и о том, какой был на вкус его язык.

Черт!

— Ладно, с этим мы разобрались, — хмыкнул Хан, когда сел спустя три минуты напротив меня за столик и принялся энергично орудовать вилкой, запихивая в себя свой салат.

— С чем? — вяло поинтересовалась я, зачем-то смотря на его губы, мелькающий периодически язык и белоснежные зубы, с чуть удлинёнными клыками.

Кровопийца.

— Парня у тебя нет.

— С чего ты взял? — нахмурилась я.

— Целоваться ты не умеешь, Ветрова. Но не расстраивайся, — подмигнул он мне в высшей степени нагло, пока я обтекала от его слов, — это даже хорошо. Я тебя под себя всему обучу.

И отсалютовал мне своим бокалом с шампанским. Я же только покачала головой и для себя решила, что добрейшая тетя Таня все-таки пару раз в детстве роняла-таки этого отбитого персонажа.

Глава 6 – Спорим?

Даша

— Я хочу, чтобы ты удалил то видео? — требовательно произношу я и для пушего эффекта задираю нос повыше. Пусть знает: с нами, с Ветровыми не торгуются. А все его тупые выводы, где у меня нет парня, и я не умею целоваться, пусть засунет в свой волосатый зад.

И хорошенько утрамбует.

— А я хотел нормального свидания, Даша, — парирует этот скот и облизывается.

— Прекрасное свидание, как по мне, — пожала я плечами, — твой язык поелозил у меня во рту, а мы обменялись слюной и микробами, так сказать.

Хан рассмеялся. От души так и искренне, по-мальчишески совсем, а мне от его смеха тошно стало, и мурашки пробежались туда-сюда по позвоночнику, рассыпаясь колючим электричеством по всему телу. Ничего этого гаденыша не берет, прицепился как банный лист к жопе.

— Сколько тебе лет? — соскочил он с темы.

— Восемнадцать, — честно призналась я, не видя причин для вранья. Смысл?

— Маловато, конечно, но ничего. Ты мне понравилась.

— Неужели? — охнула я, восхитившись таким возмутительным самомнением, ибо сказана это новость от Хана бы-

ла так просто, будто бы мы обсуждали прогноз погоды.

— Да.

— И что это значит? — нет, мне правда было интересно, куда еще занесет этого сумасшедшего. Выпрыгнул из своего Китая, как эксгибиционист из кустов и ждет, что ему возрадуются.

Ну, не дурак ли?

— Это значит, что тебе пора взрослеть, девочка.

— У девочки имя есть, мальчик.

— У мальчика тоже, — подмигнул мне Хан, а я не сдержала глупого порыва и вновь показала ему язык.

— Теперь понятно, почему ты сбежал в Китай, — задумчиво постучала я указательным пальцем по подбородку, имея в виду его сомнительные подкаты.

— Ну, тут секрета нет. Я сбежал, потому что хотел заниматься чем-то своим, а не сесть на все готовое, задыхаясь в зоне комфорта под «чутким руководством» отца. Но если эта версия не совпадает с твоей, то я ее, разумеется, выслушаю.

Я даже забыла, какой вывод сделала и о чем собиралась ему сказать. Но мне и вправду стало интересно, что такое запретное принялся делать Хан, что пришлось улепетывать по миру от страшного дяди Марка, который совсем отбился от рук и не позволял дитятке творить то, что ему в голову взбредет.

— И чем же ты занимаешься, если не секрет?

— Я занимаюсь разработкой сложного высокотехноло-

гичного оборудования.

— Например? — у меня за ребрами что-то протяжно загудело и, стыдно признаться, но это был не что иное, как банальный интерес.

— Наша компания...

— Наша?

— Да, мы с одним моим другом, когда учились еще на первом курсе института, химичили в его гараже разную почти никому не нужную хрень. А потом пошло-поехало и пришлось вывозить активы за границу и мозги тоже, потому что пока в нашей стране даже некуда применить то, что мы производим в промышленных масштабах.

— Почему?

— Потому что все уже готовое импортируется сюда из Азии.

— Боже, и что это?

— Ну в основном специальные датчики, которые позволяют беспилотным автомобилям и другим автономным аппаратам существовать и развиваться. А еще мы модернизируем то, что уже есть на рынке. Так сказать, доводим до ума и перепродаем более качественный продукт своим же создателям.

— Блин, — рассмеялась я.

— Что?

— Дерьмово. Я-то думала, что Шарик у нас балбес.

— Почему?

— Ты же бросил институт, — передернула я плечами.

— Пожалуйста, скажи, что ты навела обо мне справки,

— умоляюще сложил на груди руки Хан, но я тут же отрицательно покачала головой.

— Увы.

— Ева рассказала?

— Нет.

— Отец? Ну как он мог? Хотя, пофиг. Цифра на моем банковском счете и предварительная оценка активов компании греет мою душу намного больше, чем ненужные корочки, пылящиеся на полке.

— Ты хвастаешься передо мной, что ли? — охнула я.

— А что еще мне делать прикажешь? На мою внешность ты не клюнула, — загнул он один палец на руки, а затем еще два, — на мою выносливость в сексе тоже. И даже поцелуй со мной тебя не впечатлил. Вот и приходится заходить с козырей: я баснословно богат, Ветрова.

Поцелуй не впечатлил...

Да у меня до сих пор от его языка что-то странное с организмом происходит. Не то, чтобы я была совсем монашка, но это же ненормально, когда парень тебе вообще мимо кассы!

— Ладно, — хмыкнула я, — а как же рассказы о том, что ты бросил учебу на спор или тупо, чтобы позлить отца?

— Все так и было, вообще-то. Просто на последнем курсе так уж совпало, что нашими наработками наконец-то по-настоящему заинтересовались, и мы нашли спонсоров, чтобы

масштабировать свои проекты.

— Предал родину ради бабла, да? — прищурилась я.

— Ветрова, ну как же предсказуемо, а! Я так и знал, что ты выдашь подобную ересь, — дурашливо скривился парень.

— Да ты, Хан, прям реинкарнация Ванги, как я погляжу. Может быть, сделаешь еще одно предсказание? Например, куда я тебя пошлю после этого фарса, на который ты меня вынудил и назвал свиданием, м-м?

— Почему нет?

— Увы, не нахожу в себе желания пополнять ряды твоих постельных трофеев, — пожалала я плечами, заканчивая с салатом из артишоков и нежнейшего тунца. Вкусно. Очень. Только привкус на языке не самый приятный оставался. Такой, где меня хотят развести на продолжение, которое максимум закончится быстрым завтраком и вызовом для меня такси.

— У тебя нет выбора.

— Вот это самомнение, — рассмеялась я, переходя к горячему — нежнейшему камчатскому крабу.

— Готов поспорить, что ты уже не выкрутишься.

— Кто спорит, тот говна не стоит, — не удержалась я от детской поговорки и, шокированная собственной дерзостью, уставилась на парня во все глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.